

официального осуждения сборника фактически ставилась под удар его диссертация, основанная на документах, вошедших в злополучное издание. Ситуация с диссертацией осложнялась и потому, что в научном отчете она была указана автором как завершенная, то есть готовая к обсуждению. Но вскоре о рецензии стало известно.

29 марта 1950 г. состоялась заседание партбюро Института истории. На нем историка обвинили в срыве подготовки стратегически важного сборника. Было решено вынести выговор с занесением в личное дело (ЦАОПИМ (ЦАГМ). Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 74).

26 апреля 1950 г. партсоборание было собрано для заслушания уже персонального дела Луцкого. Руководитель сектора истории советского общества А.П. Кучкин заявил: «Дело товарища Луцкого является для нас печальным делом. Тов. Луцкий считается квалифицированным, подготовленным работником и все же допустил такие серьезные ошибки». Он представил дело так, что ситуация, когда сектор рекомендовал к изданию «порочную» книгу, возникла исключительно из-за действий Луцкого, скрывшего отрицательную рецензию. Более того, в сложившихся условиях обвиняемый отказался представить рукопись своей диссертации, получившей название «Аграрная политика советского правительства в 1917–1918 гг.» (Там же. Ед. хр. 16. Л. 67.), прекрасно понимая, что ее обсуждение добром не кончится. На собрании историк сказал, что диссертация находится в доработке, а те части, в которых использовались «порочные» документы, автор обещал переделать.

Становилось очевидным, что работать в Институте истории в таких условиях невозможно. О защите диссертации можно было забыть. В этом же году Луцкий окончательно переходит в Историко-архивный институт, где как раз произошла смена руководства и царившая до этого напряженная атмосфера сменилась более толерантной, хотя и здесь местное партбюро продолжало его «воспитывать» (Леушин М.А. Указ. соч. С. 344–345, 347–349). Одно учреждение потеряло высококвалифицированного работника, другое приобрело.

В заключении замечу, что постоянные проработки не могли не сказаться на научной деятельности. Согласно списку печатных трудов Луцкого, с 1949 по 1953 г. он не опубликовал ни одной исследовательской работы (Список трудов Е.А. Луцкого (К 70-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978. С. 336-339). Впрочем, подготовка сборника «Национализация земли в РСФСР» и работа над диссертацией не пропали даром: на основе полученных данных и наблюдений в дальнейшем был опубликован ряд статей, намечены пути дальнейших исследований, ставших центральными в последующей научной деятельности.

Н.Л. Трегубов (Тула)

Об изображении гербов на городских выпусках металлических марок и жетонов России и СССР сер. XIX – нач. XX вв.

Металлические марки – название обширной группы металлических заменителей денежных знаков, имевших локальное обращение в пределах одного населенного пункта или предприятия. Отечественные металлические марки имеют скромное оформление: минимум надписей и практически полное отсутствие каких-либо изображений. Однако среди этой однородной

массы встречаются некоторые объекты, которые несут на себе изображения гербов и их элементов.

Широкое распространение в кон. XIX – нач. XX в. в России получил выпуск водопроводных марок, используемых для покупки воды в городских водоразборах (Шишкин А. Жетоны городских водопроводов // Советский коллекционер, 1974. № 12. С. 147–150; 1979. № 17. С. 136–138; Кашин В. Водопроводные марки // Миниатюра. 1994. № 2 2. (Приложение «Жетоны, марки, фишки» №3. С. 4, 5); Назаров В.А. Водоразборные жетоны. Р.-на-Д., 2006.). Являясь городскими выпусками, многие из них несли на себе изображение городских гербов.

Известны круглые односторонние марки с отверстием наверху (жесть, диам. 28 мм), в центре которых герб Ярославля (стоящий медведь с секирой) под императорской короной, вокруг надпись «1 ВЕДРО 1/5 КОП. Я.Г.У.» (Ярославская Городская Управа).

В Орле водоразборные будки на улицах появились в 1878 г. Здесь применялось марки (латунь, диам. 33 мм) с изображением герба г. Орла: «*В синем поле белый город, на воротах которого черный одноглавый орел с золотою на голове короною*». На оборотной стороне надпись в центре: «6 к. О.Г.У.» (Орловская городская управа), а по окружности «ВОДОПРОВОДНАЯ МАРКА».

Марки Новочеркасского городского водопровода – двусторонние (латунь, диам. 30 мм). На аверсе герб Области Войска Донского (высочайше утв. 05.07.1878 г.), по сторонам буквы «В» и «Д» (Войско Донское). На реверсе в центре цифра «6», по окружности надписи: «Н.Г.В.» (Новочеркасский Городской водопровод) и «О.В.Д.» (Области Войска Донского). Эта марка выпущена для водовозов номиналом 6 копеек, именно столько стоила стандартная 40 ведерная бочка воды при цене за ведро 15/100 копеек.

Герб Области Войска Донского помещен также на серии марок из белого металла. Кроме обозначения номинала (5, 10, 15, 20, 50 копеек) они несут на себе никаких надписей. Вверху всех известных экземпляров отверстие для нанизывания. Возможно это так называемые «гужевые» марки. Они использовались различными городскими службами (полицией, членами пожарной команды) для оплаты поездок по служебной надобности. Извозчики по предъявлении этих марок в городскую управу получали указанную сумму денег.

Водопровод в Оренбурге стал круглогодично работать с 1864 г. В 1911 г. цена при ведёрной продаже была установлена 1/10 коп. за ведро, для расчетов были изготовлены особые марки (Судоргина Т. Для упорядочения водопроводного хозяйства // Вечерний Оренбург, № 11. 17.03.2011). В центре марки помещено гербоподобное изображение, включающее в себя элементы городского герба и казачьей символики. На одной из разновидностей марок с высоким рельефом угадывается щит, горизонтально разделенный на несколько частей, с фигурой в виде андреевского креста. Щит украшен подобием мантии, с приставленными по бокам пиками, вверху две пересекающиеся стрелы.

Открытие тульского водопровода состоялось 2 января 1894 г. Для расчета за воду 18 марта 1894 г. были выпущены в обращение особые латунные марки номиналом 1, 5, 10, 30 и 40 ведер. Перед выпуском в обращение марки надчеканивались тульским гербом, украшенным императорской короной. На овальных и прямоугольных марках образца ок. 1900 г. изображен городской герб Тулы, украшенный императорской короной и окруженный дубо-

вой и лавровой ветвями (Трегубов Н.Л. Металлические водопроводные марки г. Тулы //Нумизматика. Март 2004. С. 48, 49). Этот выпуск послужил прототипом для советской эмиссии водопроводных марок. С 1 декабря 1921 г. в Туле вновь был введен отпуск воды за плату (ГАУ ТО. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 14. Л. 441). Для этого были выпущены специальные одно- и двухведерные марки, которые можно было приобрести в кассе Тульского коммунального отдела. Композиция советских марок следует дореволюционным образцам. Щит с гербом г. Тулы остался неизменным, однако венчает его эмблема «серп и молот»; лавровая и дубовая ветви преобразились в перекрещенные связки пшеничных колосьев, ставшие частью композиции марки.

В Царстве Польском три города осуществили выпуск металлических водопроводных марок: Белосток, Плоцк и Люблин. Марки номиналом 1 ведро воды, выпущенные в Люблине (лат. диам. 24 мм), имеют на аверсе герб города «На красном щите герба восстающий серебряный козел, объедающий виноградную лозу», на оборотной несут на себе двязычную надпись: «ЛЮБЛ. ВОДОПРОВОДЫ - WODOCIĄGI LUBEL.».

Традиция выпуска специальных марок для отпуска воды была продолжена и в Эстонии. Известны марки 1930-х гг. (диам. 28 мм) с гербом Нарвы на аверсе. На обороте надпись: «NARVA VEEVÄRK «(Нарвский водопровод), в центре прямоугольная рамка для надчеканивания учетного номера, внизу римские цифры, которые обозначали период года: XII-III (бронза, Кашин В. Указ соч. № 55. С. 3), IV-VII (медь, Ross H. Lokal-, Privat- und Notgelder in Estland. Eesti kodurahad. Tartu, 1994. № 285. S. 127), VIII-XI (алюминий, Нарвский музей, NLM 1981:7 N 240:7). Марки, вероятно, предназначались для оплаты воды водовозами, а цена на воду колебалась в зависимости от сезона. Герб, помещенный на аверсе, соответствует тому, что был пожалован городу 21 июня 1585 г. шведским королем Юханом III Вазой (1568–1592) (Hansen H.J. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858. S. 52–53). С этим же аверсом выпущены латунные марки нарвского городского электрического отдела (ELEKTRI OSAKOND). Они служили для оплаты электроэнергии через счетчики, оснащенные жетоноприемником (Menzel P. Deutschsprachige Notmünzen und Geldersatzmarken im In- und Ausland 1840 bis 2002. B. I. Gütersloh, 2005. S. 7).

Единственным городским гербом, разработанным в довоенный советский период, в литературе указывается герб г. Москвы и Московской обл., утвержденный президиумом Моссовета 27 февраля 1925 г. (Николаев Р. Герб Красной столицы // Наука и жизнь. № 8 1968. С. 108). Герб был составлен архитектором Д.Н. Осиповым: В центре в овальный щит вписана пятиконечная звезда; на фоне звезды монумент, посвященный первой советской конституции (украшавший площадь перед зданием Моссовета в 1918–1941 гг.); эмблема «серп и молот»; зубчатое колесо с надписью «РСФСР» и связанные с ним ржаные колосья; внизу по обеим сторонам изображены слева наковальня, справа челнок; внизу надпись на ленте «Московский совет Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов» и динамо-машина. В 1920-30 гг. герб получил широкое распространение: он изображался на печатной продукции Моссовета, должностных и памятных знаках, архитектурных объектах. Этот герб расположен на аверсе первых пробных жетонов московского метро 1935 г. (латунь, диам. 19 мм) (Петров Л.Ф. О первых жетонах Московского метрополитена // Петербургский коллекционер 2010. № 2(58). С. 12–13).

В Выборге финляндского периода (1917–1940) большое распространение получил выпуск различных транспортных марок. К таким выпускам относятся, вероятно, и латунные марки, на лицевой стороне которых изображен герб Выборга, утверждённый 2 октября 1817 г. императором Александром I: «В голубом поле двухбашенная Выборгская крепость, на её правой большей башне флагшток и флаг, над крепостью золотая литера W, над щитом каменная корона (Пашков А.М. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 351). На оборотной стороне круговая надпись: «VIIPURIN POLIISILAITOS» (Полиция Выборга) и аббревиатура RW, которую возможно расшифровать как WIIPURIN RAITIOTIET (выборгский трамвай). Таким образом, данные объекты можно рассматривать как марки для бесплатного проезда для сотрудников полиции.

А.С. Усачев (Москва)

Что может дать изучение текстологии выходных записей русских рукописных книг?

Определение места переписки книг является одной из главных задач исследователей книжной культуры средневековой Руси. Данная проблема обусловлена тем, что, во-первых, количество книг с выходными записями, общающимися среди прочего и место переписки рукописи, невелико (речь идет о нескольких процентах сохранившихся книг), во-вторых, выходные записи далеко не всегда сообщают сведения о книгописном центре.

Самым очевидным решением этой проблемы является кодикологический анализ соответствующих рукописных книг. Он в первую очередь предполагает изучение почерков писцов и водяных знаков бумаги. Их тождество с почерками и бумагой тех книг, происхождение которых точно известно, дает исследователям определенные основания связывать происхождение книг с тем или иным книгописным центром. В тоже время нельзя не отметить, что факты совпадения почерков и бумаги не могут дать стопроцентной гарантии относительно места написания книги. Так, известно, что книжник из того или иного книгописного центра, получив в нем писцовые навыки, мог работать и в «отходе». Соответственно, создание рукописи к соответствующей книгописному центру прямого отношения может и не иметь. Не всегда надежные результаты дает и анализ бумаги: известно, что бумага, характерная для той или иной рукописной книги, в течении ряда лет могла использоваться на весьма обширной территории. Очевидно, что для повышения коэффициента надежности при атрибуции рукописей необходимо привлекать и иные признаки. На один из них мы и обратим внимание читателя ниже.

На наш взгляд, к числу подобных признаков можно отнести текстуальные совпадения в выходных записях. Вряд ли стоит удивляться тому, что, если в одном книгописном центре примерно в одно время нередко одними писцами переписываются книги, то записи на них очень часто совпадают (в ряде случаев дословно). Вероятно, речь шла об использовании готовых образцов – записи могли писаться с привлечением записей книг более раннего времени. Большое число заимствований встречалось в литературной части записи, содержащей молитвы писцов и т.д., а не исторической, которая сообщала конкретные обстоятельства переписки книг.